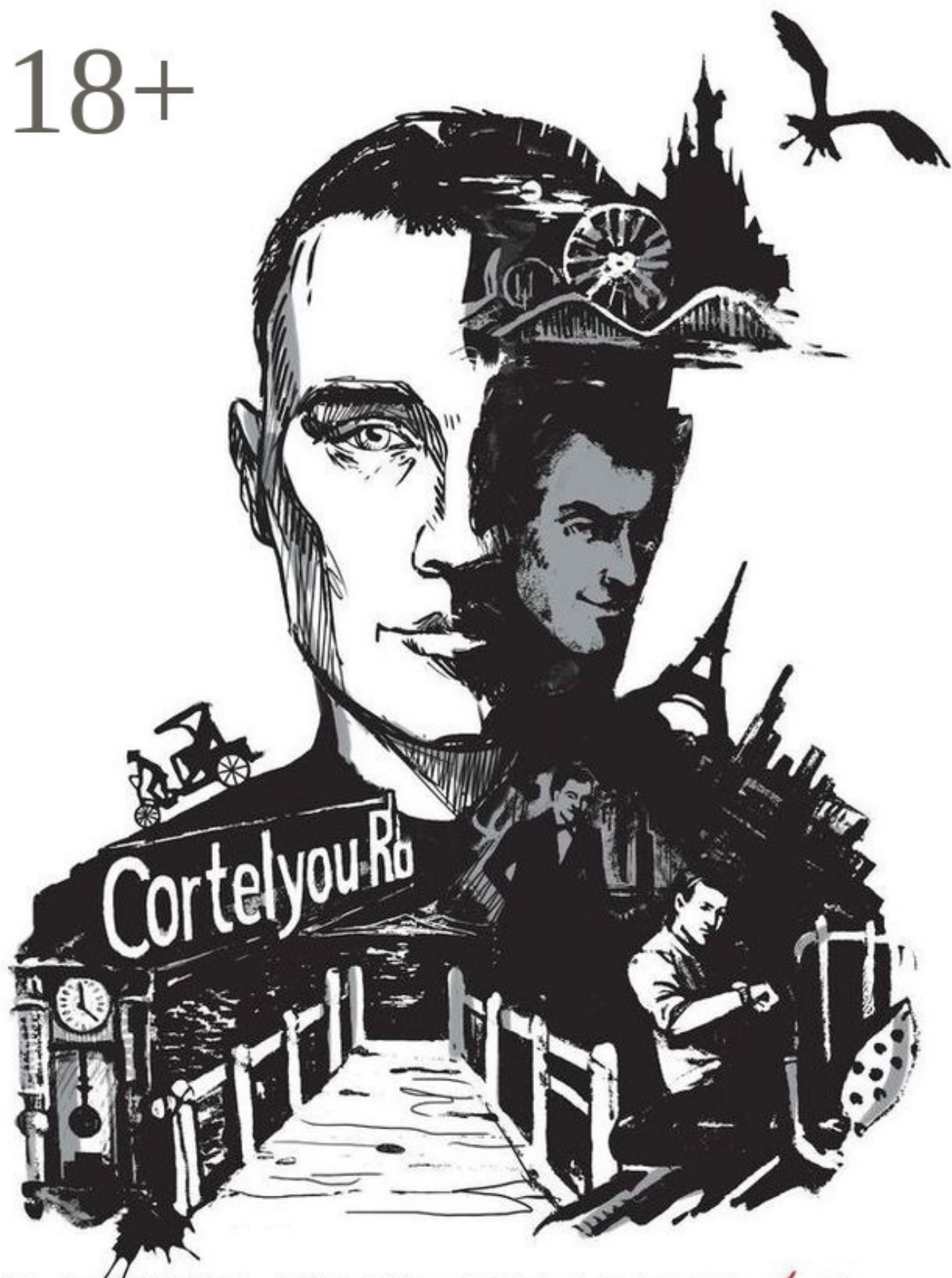

18+

ОДНА ИСТОРИЯ *Артем Рафигов*
МИЛЛИОНА ЛЮДЕЙ

Артем Рафиков

Одна история миллиона людей

«Издательские решения»

Рафиков А.

Одна история миллиона людей / А. Рафиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989867-8

Произведение описывает истории главного героя, в которых читатель найдет отражение своих чувств, переживаний и жизненных ситуаций. Это не история успеха, это реальные минуты жизни героя со всем спектром чувств, ощущений и осознаний. Герой — амбициозный парень, который погрузился в глубокий сон в действительной реальности. Фраза «Посмотри, в какой стране ты живешь» преследует героя на протяжении всей книги и проводит невидимую нить, соединяющую все события жизни в историю миллиона людей.

ISBN 978-5-44-989867-8

© Рафиков А.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Одна история миллиона людей

Артем Рафиков

© Артем Рафиков, 2020

ISBN 978-5-4498-9867-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Книга была написана в трех городах – г. Эспоо (Финляндия), г. Москва (Россия) и г. Сочи (Россия). На каждой странице вы найдете ответы на вопросы, которые невозможно найти в Google, потому что Google не умеет чувствовать и сопереживать так, как умеете это делать вы. Книга про жизнь главного героя и его чувства, которые проявляли его всегда по-разному. Однажды он улетел в Америку в совсем юном возрасте, а по возвращении обратно в Россию, поселился в маленькую комнату, которая долгие годы была олицетворением всей его жизни. Он будет блуждать в поисках себя, любви и собственного предназначения, пока не встретит женщину около одного из переходов столицы. Книга погрузит вас в состояния, которые проживал главный герой на протяжении восьми лет. Именно эти состояния вам помогут прожить большое количество чувств, которые будут резонировать на протяжении всех тринадцати глав. Вам будет казаться, что главы между собой не связаны, но ближе к середине книги, вам удастся прочувствовать не только о чем писал автор, но и дополнить собственными чувствами события в каждой главе.

Одна история миллиона людей – это история каждого человека, живущего на этой планете. Мы все с вами проживаем, что проживает герой этой книги. Все события, описанные в этой книге, имеют реальную историю, простыми словами – книга создана на реальных событиях. Каждое слово найдет подтверждение ваших чувств.

ГЛАВА 1

«Мир не идеален, ты посмотри в какой стране ты живешь» – услышал я утром, когда просыпался после длительного сна. Накануне я вернулся поздней ночью, а точнее – ранним утром сегодня, когда время было около пяти часов утра. После подобных длительных походов в бар, проснувшись на следующий день, я всегда испытывал жуткое чувство вины, которое было смешано с чувством обиды. Эта обида волочилась со мной длительное время и стала уже обыденной составляющей моего крошечного мирка. В то время внутри меня не было единого мира, он перестал существовать с того самого момента, как только я начал душить его всеми своими чувствами, с которыми я так долго тащился вниз – на самое дно. Дно, которое я себе выдумал – с обидами, страхами, злостью, нелюбовью, долгами, болью, виной, завистью и ненавистью. Я словно ходил по кругу и не знал, как выйти из него, не хотел признаваться себе, что я сам себя в него завел. Неосознанно оставляя себя в этом состоянии и продлевая его, чтобы вновь испытывать все эти чувства, которые меня опустошали. В той комнатке я постоянно искал жизнь и подтверждения тому, что я жив, тем самым вновь и вновь создавая сопротивление. Когда всё могло бы быть иначе – в легкости и спокойствии, но нет – мне было чуждо каждое из этих состояний. Тогда я не хотел принимать себя слабым и проявляться таковым, боясь что меня таким не примут. Именно поэтому я пытался быть сильным, казался сильным, даже когда сидел без сил на кровати, убеждая себя, что немного посижу, встану бодрым, не слабым и готовым свернуть горы.

Осмотревшись вокруг, я, не чувствуя своего пробужденного тела, очень судорожно под ногами отыскал тапки разного размера, как и всегда, не поняв с первого раза где правый из них, а где левый. Я просунул в них свои стопы и почувствовал, что снова не могу глубоко вздохнуть полной грудью. Чувство, что мне не хватало кислорода, посещало меня каждое утро. Иногда я даже ночью просыпался в каком-то страхе, открывал все окна в комнате и ложась снова в кровать обнимал её, чтобы снизить своё беспокойство, которое, как и обида проявлялось у меня уже на привычном уровне моего сознания. Если раньше я чувствовал беспокойство перед выходом на сцену или перед встречами с руководителями значимых для меня на тот момент компаний, то сейчас я чувствовал его в моменты, когда просто лежал и смотрел в потолок, который я изучил вдоль и поперёк за прошедший год.

Снова не отдышавшись, я продолжил сидеть на кровати молча ещё около десяти минут, листая социальные сети одну за другой и просматривая жизнь других людей. С историей каждого пользователя, внутри меня рождались противоречивые чувства – зависть, неверие, осуждение, отрицание. Многие из них были на фотографиях счастливыми на отдыхе или в своей собственной машине, в которой они слушали музыку, некоторые из них публиковали процесс развития собственного бизнеса, а кто-то совсем недавно получил фотографии с собственной свадьбы. Все эти снимки меня обезоруживали, делали каким-то неприкрытым, было ощущение, что все эти люди будто бы знали как у меня обстоят дела и будто насквозь видели меня в ответ, когда я смотрел на их счастливые лица. Казалось, они даже не знают о моем существовании, но раздражают меня больше, чем даже мои отношения со знакомыми мне людьми или с ней. Мои мысли всегда попадали в тупик, как только я на мгновение вспоминал про неё. Только чувства было не скрыть, в этих чувствах я находил меньше противоречий, но в них было больше вины – будто бы я не могу её просто любить, будто бы мне не позволено это чувство кем-то и от этого на душе становилось еще больше. Словно, кто-то прибавлял в этот момент внутри меня громкость на приёмнике чувств, который очень долгое время играл на моих нервных окончаниях, как на струнах.

Тогда я знал, что она где-то на кухне готовит завтрак, который на Востоке считался бы уже вторым обедом. Она всегда вставала раньше меня, каждое утро для неё всегда было осо-

бенным – тренировка, медитация, пробежка в парке, контрастный душ и чтение книг. Подумав о том, что же она читает сейчас, я начал взглядом перебирать полку с книгами, которые стояли ровно одна за другой. В этот момент я вспомнил, что сам давно хочу их прочесть, но всё руки не доходят. «Начну сегодня...» – подумал я, «...с книги Наполеона Хилла Думай и Богатей, трижды эта книга попадала ко мне в руки, но я так и не удосужился её прочесть». Через мгновение, я почувствовал, как в комнату проник аромат утреннего завтрака. Остановившись на мысли, что меня скоро будут звать на завтрак, я посмотрел сквозь опухшее лицо на часы, чтобы хоть как-то сориентироваться во времени и понять сколько же я проспал сегодня.

Часы показывали время двенадцать часов пятьдесят одну минуту. Я вновь почувствовал, как во мне усилилось чувство вины, а мысли забегали с невероятной скоростью, будто бы внутренний паникер проснулся чуть позже, чем я сам и теперь его выход. Он всегда во мне просыпался, как только возникал вопрос о том, как заглушить в себе противоречивые чувства, которые я ощущал, когда глядел на часы в момент пробуждения. Часы, что стояли в комнате, я не особо любил, они были какими-то старыми, ветхими, вокруг них еще более печальный антураж – в них не было ни красоты, ни эстетики. Дерево, из которого была собрана поверхность этих часов, отдавало не только ароматом старого лака, но и историей, которая засела в этих часах глубоко внутри во всем их механизме, что спрятался за оболочкой часовой конструкции. Каждый раз когда я смотрел на них, у меня складывалось ощущение, что я тоже какой-то старый, ветхий и как стрелки часов – тоже хожу по одному и тому же кругу. Будто бы все, что у меня есть – это циферблат, который я заполняю самыми бесполезными действиями в течении суток, старея вместе с часами. Быть старым и ветхим мне точно не хотелось, а признаваться в этом тем более. В то время мое внимание было вечно рассеянно, и даже если бы мне кто-то на красоту и указал, я бы её всё равно не разглядел, живя в страхе, что так и проживу всю свою жизнь шагая стрелкой по белому циферблату.

В той маленькой комнатке я ощущал сопротивления больше, чем когда-либо. Четыре стены для меня были полны страха, который зачастую и был причиной моего бегства из комнаты, хотя я бежал и от нее, но она будто бы знала, что сколько раз бы я не уходил, я всё равно вернусь. И она была права – я возвращался, прежде давая себе слово, что не вернусь. Так было и вчера – я ушел не попрощавшись и вернулся, когда она уже спала на своей стороне кровати, будто в ожидании, что по возвращении я её вновь обниму.

Продолжая молча сидеть на кровати, я думал: «Может я и есть тот самый страх, что чувствую каждый день и просто проявляюсь им? Бред какой-то, что это за мысли лезут ко мне в голову!» – мысленно воскликнул я и повернулся в сторону окна, реагируя на странный звук птиц. За окном я увидел, как темное облако покидало солнце и лучи плавно ложились на весь город, согревая весенние ветреные улочки. Спустя мгновение, я услышал привычный мне звук часов где-то под ногами, который меня быстро вернул в привычное мне состояние. Они звучали каждый день и даже успели мне немного надоесть за всё то время, что я проводил бессонные ночи. Услышав первые три звучания, я поднял свой взгляд на ветхие часы и понял, что времени прошло ровно девять минут с момента моего пробуждения. Я знал, что этот звук издавали соседские часы, которые отбивали тринадцать часов ноль минут, вновь предательски напоминая мне о циферблате и стрелках, что беспрестанно двигались по кругу. Девять минут – я даже не заметил как они пролетели, впрочем, как в то время я не замечал и свою жизнь. Жизнь, которая летела незаметно и с невероятной скоростью куда-то вниз, именно от этого мне становилось еще страшнее.

Своим звуком соседские часы мне всегда напоминали новый год, правда даже с такими воспоминаниями я жил в те моменты все равно без присущего мне чувства радости. Хотя если вспомнить детство, в котором это чувство было в новогоднюю ночь вместе с детским шампанским, сладкими подарками, фломастерами под елкой, родительскими эмоциями, которые были самыми душевными при распаковывании нами подарков, то можно на миг было окунуться

в это состояние. В состоянии ребенка, у которого весь мир для него. Я даже изредка ночью лёжа на кровати фантазировал, что ниже этажом в таком же маленьком, но более светлом пространстве, стоят часы, которые являются маленькой копией кремлевских часов со Спасской башней. Мне всегда было интересно, кто живет ниже этажом, чем они занимаются и вообще бывают ли они дома. Потому что я никогда не слышал ни единого звука и ни единого голоса. Будто бы часы стояли сами по себе одинокими, механически отбивая вечный звук, который пережил уже несколько поколений.

В то время я был тоже одинок, именно так я себя чувствовал, но в отличии от часов, я не пережил еще ни одного поколения. Мне наоборот казалось, что у всех жизнь идет полным ходом независимо от возраста и они живут каждый момент своей жизни. Когда я вместо того, чтобы жить, пребываю со своими воедино собранными чувствами, что родились во мне в процессе бегства от самого себя. Лишь спустя полгода я начну осознавать, что со мной происходило в каждый момент моей жизни, пока я находился в этой маленькой комнатке и как я в неё попал, занимаясь поисками ответов на свои вечные вопросы, на которые не было ответов ни у меня, ни у моего окружения. Если быть точнее, то у нас уже не было сил, чтобы меня хоть как-то переубедить, потому что у меня всегда была своя правда. Правда, которая делала меня в моменте сильным, но создавала сопротивление со всем внешним миром. Не осознавая этого, я разрушал себя изнутри, боролся с чем-то, а точнее с кем-то, кого очень давно перестал видеть в собственном отражении.

Аккуратно поднявшись с кровати, чтобы не усиливать боль в области поясницы, я побрел умываться. В то обеденное утро, я знал, что вновь не почувствую радости от соприкосновения моего тела с водой и даже от ее объятий. В тот момент мне было не до этого – столько мыслей и воспоминаний проносилось в моей голове, хотя я ведь просто шел умыться, почистить зубы и принять душ. В нескончаемом потоке мыслей, я иногда вообще не понимал как такое возможно – вроде только проснулся и уже устал от самого себя, от своих мыслей и вопросов, которые начинали бегать в моей голове, как только я открывал глаза и выдавали огромную порцию непринятых чувств. Мысли носились от уха к уху с такой скоростью, что я не мог даже на мгновение остановиться, чтобы вспомнить что было запланировано у меня в тот день и с кем стояла в календаре встреча на девятнадцать часов тридцать минут в одной из башен в Москва Сити. Все, что я чувствовал в тот момент, для меня было невыносимо, всё это душило меня, как и боль в пояснице, которая стягивала на себя всё моё внимание.

От резкой боли я сразу вспомнил вчерашний день. Чтобы хоть как-то мне себя отвлечь от мыслительного потока, шума, всех разрушающих меня длительное время чувств и непрерывного хождения по кругу, из которого я не видел выхода – я напился. В таком состоянии, я хоть как-то мог остановить мыслительный шум своего ума и немного расслабиться. Всегда есть друг, который выслушает тебя с твоими проблемами по телефону, а возможно и придет побыть с тобой, чтобы разделить твою боль. Даже если не придет он, есть тот друг, который всегда приезжает, но либо уже не всегда. Именно вчера был тот самый день, когда ко мне не приехали друзья, уже не первый вечер. Я чувствовал, что они устали уже от моих историй и от одних и тех же фраз, что «я от нее уйду», что «запущу свое направление бизнеса» и что «вокруг происходит вечно какая-то неразбериха». Ситуация отсутствия друзей на встрече со мной повторялась, с каждым разом она была для меня все больнее и больнее, чувство одиночества подавляло все мое рвение и стремление куда-либо двигаться, оно же и усиливало во мне еще большее чувство вины. В тот момент я понимал, что запутался, но как выйти из этого состояния, несмотря на мое бурное воображение и фантазию, я себе представить даже не мог. К тому же, одиночество, что было на моей душе, завинчивало последний болтик на крышке люка в моем заболоченном колодце, где я, посадив себя на дно, ударялся о него всеми частями своего тела, в попытках из него выбраться. И эта история повторялась со мной

уже несколько лет, когда я, карабкаюсь руками о стены, стираю с лица всю грязь предплечьем, которая смешивалась с чем-то мокрым и холодным.

В тот момент я уже с трудом мог отличить что это. То ли капли дождя на моем лице, то ли это пот, который выходил из меня дурью и несогласием с самим собой, то ли слезы, которых я не видел у себя уже длительное время. Чтобы хотя бы это понять, у меня не было ни сил, ни желания, но, несмотря на всё внутреннее свое сопротивление, я пытался. Пытался как всегда всё объяснить умом, подбирая довольно таки странные слова – вроде бы и не соленые, и даже не пресные капли на моем лице. Во всей этой абсурдной для себя ситуации я точно знал, что не смогу понять на вкус что это, потому что я даже не знал вкус слезы. Ведь с самого детства я пытался быть взрослым и сильным, тем самым уже с малых лет перестав быть просто сыном и мальчишкой, у которого тоже могли быть чувства. Но мальчики и мужчины не плачут – это проявление слабости, говорили мне еще в детстве и тем, кто это говорил, я верил, блокируя в себе все истинные качества сына и мужчины. Мужчины, который еще будучи мальчишкой, имел возможность не забыть о том, что он мужчина, научившись признавать в себе все свои слабости, которых по факту и не было, как только он их в себе признает. Ведь со временем этот мальчишка вспомнит себя и узнает, что все это время не было ни силы, ни слабости – с ним всегда была смелость, которая позволяет ему признаваться самому себе и просить о помощи других.

В то время я об этом и подумать не мог, в тот период, живя в маленькой комнатке я так часто думал о своих слабостях, что не было даже минуты, чтобы признавать их в себе. Мысли о них особенно усиливались в те моменты, когда я был рядом с ней. И тщетные попытки объяснить умом очередной раз вкус этих капель, лишь снова возвращали меня в то состояние, от которого я мысленно пытался уйти. Находясь в пространстве четырех стен, я точно понимал, что у этих капель на моем лице был свой вкус, который стал лишь продолжением моего чувства – нового чувства, которым я раньше не проявлялся. Оно было примерно того же плана, что и все остальные чувства в виде вины, обиды, злости, ненависти. Но его что-то отличало от других – оно точно было намного сильнее, выводящее меня на совершенно новый уровень чувствования. Это чувство усиливало собой боль, обиду, вину, но больше всего оно усиливало во мне страх, который проживал за меня мою жизнь.

Тем чувством, что я проявлялся в тот момент, которое и усиливало всё моё состояние – была горечь. Горечь, когда все живы и здоровы, когда все твердят вокруг, что все хорошо, когда в жизни происходит столько событий, о которых человек даже представить себе не мог будучи ребенком. И при всем при этом он чувствует горечь. Горечь от того, что где-то внутри него умирает человек, который физически проживет долгую жизнь, но он не будет живым – с тем взглядом, улыбкой и чувством юмора, с той максимальной отдачей в своем деле и в общении с людьми, с той семьей, в которой каждый счастлив и он является их отражением, с тем рвением, которое было у него в младенческом возрасте и тем огоньком в глазах, который зажигал в других людях веру в себя, любовь и воспоминание о себе, с тем собой, о котором он возможно так и не узнает, как и то, на что он способен и как он в этом хорош.

В такие моменты умирает не просто личность, которую человек давно связал со своим именем и отделил себя тем самым от других людей, умирает не тело, которое занималось все детство спортом и физическим трудом, умирает даже не социальная роль – сын, парень, друг, партнер, ученик или учитель, а человек, который перестал жить. Вместо того, чтобы жить – я стал как и многие другие выживать, сливая всю свою энергию и отдавая всю свою волю тем, кто может распорядиться ими лучше, чем я сам.

Тогда я не хотел выбираться из этого колодца, мне почему-то всегда хотелось людям что-то показать, доказать и, чтобы они видели какой я молодец. В те моменты я постоянно вспоминал, что мало получал медалей в спорте, когда занимал призовые места. Словно по закону подлости в эти моменты вручали только грамоты, а мне хотелось медаль. Мне даже в школе ее

не вручили, когда я окончил школу с двумя четверками, а ведь полагалась серебряная медаль, думал я постоянно с присущей человеку детской обидой.

Ведь если вспомнить, мы в детстве всегда любили получать пятерки и не любили получать то, что было ниже этой отметки. Аттестат с отличием, медали и грамоты мы любили больше, чем себя и наших близких. Что самое интересное, ничего не поменялось – аттестат заменили дипломом, диплом заменили контрактом, контракт заменили договором, договор заменили должностью, должность заменили бизнесом, бизнес заменили делом всей своей жизни, дело всей своей жизни заменили предназначением. Любви как не было, так ее и нет – вечные соревнования, борьба и конкуренция. Для этого даже есть своя фраза, которую мы проносим – «Таков уж мир, хочешь жить, умей вертеться». Только человек вертится по вечному кругу, старея, как стрелки часов вокруг циферблата. В начале оценивали нас, потом мы научились оценивать себя и чтобы хоть как-то оправдать свое бесцельное существование решили, что можем оценивать и других. И все ради очередной медальки, что я молодец, а они нет, оправдывая свои промахи, чтобы только не признаваться в них. Это вечная погоня куда-то и есть бегство от самого себя – в этом нет любви, в этом нет счастья, в этом нет нас. Нас, кто в любой момент времени может вспомнить кто он есть на самом деле и для чего он пришел в этот мир.

В состоянии полной апатии и находясь не в ресурсном состоянии, в тот год я очень хотел, чтобы меня заметили, но как ни странно никто не интересовался моим своеобразным поведением, до боли уже привычном для многих – фантазия у меня закончилась, чтобы придумывать новые сценарии своей жизни. Да и все уже давно свыклись с этим и даже стали говорить в кулуарах: «Это очередная игра у него, в которую он так и не наигрался – все мы знаем, что исход один, но мы больше не хотим быть частью этой постановки, нам даже наскучило быть зрителями, аплодируя стоя, мы удаляемся». Занавес.

Оркестр стих, дирижер вышел за дверь, а актер, который так и не осознал, что сам является создателем и режиссером этого театра, снова погрузился в крошечную тьму.

Я резко почувствовал раздражение тела, когда приподнял ручку крана в ванной, из которого потекла ледяная вода и я начал немного приходить в себя.

«Как я тут оказался? Почему я не помню последние три минуты или пять, а может прошло уже более десяти, пока я брился и чистил зубы. Снова я в своих мыслях, которые унесли меня в какую-то тяжесть о каких-то дирижерах, колодце и детских медалях. Спустишь на землю!» – приказным тоном подумал я про себя. В тот момент мое внутреннее напряжение и раздражительность не давали мне покоя, все мое состояние чувствовалось в моих движениях и даже голосе. Через пару минут обнаружив, что как всегда забыл полотенце, я крикнул в сторону кухни, чтобы она мне его принесла. После чего задернул шторы в ванной комнате, продолжив смывать шампунь ледяной водой. Я видел как капли из душа медленно падали и касались моего тела, будто бы время замедлилось в тот момент и в уме даже проявилась тишина, но буквально через мгновение раздался двойной стук в дверь:

– К тебе можно? – заботливо спросила она, как будто не заметила моего тона, которым я ее просил.

– Можно! – сухо ответил я и продолжил – Закрой пожалуйста дверь, холодно мне... – и дверь аккуратно захлопнулась, в отдаляющемся милом голосе по ту сторону двери, я услышал.

– Милый, жду тебя на завтрак.

Я прекрасно понимал, что в моем голосе не было просьбы, это было больше похоже на какое-то требование, дабы оправдать свою забывчивость и вечную зависимость от другого человека в такие «сложные» моменты. Помнить о подобных «мелочах» я не мог, ведь мне нужно было решать свои «проблемы», которые крутились в моей голове с момента моего пробуждения ото сна.

Аккуратно выйдя из ванной комнаты по мокрому полу, чтобы не травмировать спину, я вновь с тем же тоном произнес:

– Вечно непонятно мне, какое полотенце стелить на пол для ног!

– Да, я все закинула в стиральную машинку, чтобы постирать, а чистое забыла вынести, прости. Ты идешь кушать? – спросила она – Все уже готово – продолжила улыбаясь.

– Да, иду. Ты же знаешь, что у меня спина болит... – вновь начал я было ворчать и махнув рукой сказал – Ладно, сейчас оденусь и выйду.

В гардеробной висели чистые выглаженные вещи, которые она успела приготовить пока я спал. Я надел брюки, ремень который искал по всей комнате, водолазку и носки. Высушив голову, я вышел из комнаты и подошел к ней на кухне, чтобы обнять ее крепко-крепко, вновь испытывая чувство вины. Она аккуратно погладила меня по спине и поцеловав нежно в губы, обратила своим взглядом мое внимание на стол. На столе стояли две чашки с горячим чаем, чистые тарелки для блинов и сырников, соусники для сгущенного молока и малинового джема, а посередине стола стояли две тарелки, на которых были они во всем своем великолепии. Спустя несколько секунд мы сели с ней завтракать. Честно признаться, завтрак был великолепным, как, впрочем, и она. Я всегда смотрел на нее и думал – как в одной девушке может быть столько прекрасного и нежного: любви, ласки, верности и что-то благородное всегда было в ее движениях. Она готовила завтрак каждый раз с любовью и трепетом, но в моем крошечном мирке «глобальных» проблем для этой любви не было места. Я не думал о вкусе или о ней сидя за столом, в тот момент я больше всего боялся одного вопроса, который она мне задавала каждый день, и, после которого на моей душе всегда чувствовалась еще большая тяжесть. Этот вопрос был о моих планах на день и чем я сегодня буду заниматься помимо моей единственной встречи вечером, о которой я даже думать не хотел. Боялся я этого вопроса лишь по той причине, что заниматься мне было нечем, мой день был настолько неинтересен, что отражал всего меня в моем безликом состоянии. И я понимал, что она знала об этом, но верила в меня больше, чем я в себя сам. Именно поэтому она меня спрашивала, чтобы разбудить меня и дать очередную возможность вспомнить мне про свой потенциал, который проявлялся во всей красе при первой нашей встрече. Но почему-то спустя время, я забыл о нем, как и о любви к ней и себе.

В то время мне было не до осознаний, я постоянно натыкался на новостную ленту. Тогда я еще не замечал, что у меня всегда пропадало желание что-либо делать после чтения новостей, которые публикуют ежедневно СМИ. Читая новости, человеку редко хочется после них жить – он внутри потихоньку умирает. В московском метро в то время была своя атмосфера, я всегда подключался к сети бесплатного wi-fi и меня автоматически перекидывало на страницу с новостями, и чтобы выйти из нее, не застревая на новостях об убийстве или новом задержании, мне необходима была воля. Воля, которой на первый взгляд у меня не было, как и энергии, благодаря которой я смог бы почувствовать хотя бы немного воли, наполняясь ею изнутри. В тот год я предпочел быть безвольным.

Серость Москвы и весь этот смог, о котором меня предупреждали при переезде, еще сильнее сгущал мое внутреннее состояние. Состояние, что я когда-либо в себе носил, от него мне становилось душно внутри, тяжело и беспокойно. Хотя со временем я привык жить с этим состоянием беспокойства и игнорировать его. Оно было проявлением меня вечно расстроенного и потерявшего чувство любви к жизни, себе и другим. В таком состоянии сквозь призму своего мирка я мог только хвататься за то, что никогда не было моим и никогда бы моим не стало, но я хотел хоть как-то удержаться в этом «несправедливом» мире. Богатство я воспринимал только как результат сверх усилия, боли, разочарования в людях, страдания в одиночестве и предательства со стороны близких мне людей. Я в лоб не видел всех своих возможностей, которые у меня появлялись каждый день, не слышал тех, кто мне предлагал варианты решения выдуманных мною проблем, не чувствовал близких по душе мне людей, которые были со мной рядом и просто видели меня насквозь. Меня они чувствовали даже в те моменты,

когда я спал, они знали, что проснувшись утром у меня будет все тот же настрой, что и вчера, от которого, как оказывалось по окончании дня, ничего не зависело.

В то утро мне снова казалось, что я проснулся готовым свернуть горы, но это было далеко не так, впрочем, как и всегда. Я не осознавал, что проснувшись утром, мой сон был самым глубоким не во сне ночью, а наяву. Он был даже глубже чем тот, в котором я пребывал после длительных рабочих дней. В те дни, которые становились сутками в моей работе ночами напролет и в конце недели я падал на кровать, засыпая и оправдывая себя утром тем, что мне этот сон до 12 часов выходного дня, просто необходим. И это, действительно был глубочайший сон, в котором я находился не первый год, в тот год он просто сильнее стал проявляться. Сон, в котором я позабыл о своих родителях и близких, о возможности путешествовать, о радости в момент поедания арбуза, о мелодии души, о беге ранним утром с росой, о своих учителях и учениках, о своем потенциале и проявлении, о вкусе укропа в огороде у родителей, о запахе мотоцикла детства, о звездном небе в августе и обо всем, что дает мне познать моя жизнь. Познать то, что я и есть эта жизнь.

Жизнь, в которой нет боли, обид, вины, долга, раздражения, нелюбви, ненависти и страха. Страх завтрашнего дня, который останавливает так много людей в момент выбора – развиваться или оставаться в своем коконе, где безопасно, но страшно, где сыро, но привычно, где не интересно, но определено. Там, где мира не существует, вместо него есть маленькая комнатка – тот самый мирок, в котором тесно, душно и безлико. И зачастую каждому хочется вырваться из него, но человек привыкает так жить и ждать. Ждать пока его кто-то разбудит и покажет ему путь, вернет ему его же волю и наделит его силой духа, но так не бывает, бывает ровно наоборот. И очень жаль, что не каждый человек это осознаёт, не каждый осознает это в молодости и не каждый увидит свой путь, который позволит ему без борьбы познать себя. Узнать, что ответы у него внутри и что сейчас самое время начать жить, быть, любить и творить. Я тоже этого не осознавал, пока в то утро не услышал за дверью комнатки фразу: «Мир не идеален, ты посмотри в какой стране ты живешь». Когда её произнесли, я узнал эту фразу и понял, что где-то я её уже слышал.

ГЛАВА 2

Самолет набирал высоту, я смотрел на табло пристегнуть ремни, чувствуя как ветер немного раскачивает хвост самолета. Как обычно мои ладони потели от набора высоты, которая чувствовалась давящим давлением на мои ушные перепонки и легким перехватыванием дыхания в области солнечного сплетения. В самолете я всегда чувствовал высоту иначе, чем нежели когда я поднимался, например, в горы и смотрел вниз со скалистого обрыва – в такие моменты я испытывал страх и некую тянущую силу в неизвестность. В самолёте же я чувствовал, что у этой высоты есть что-то чистое и свободное, не было этой тянущей силы, исключением были только повороты самолета, как мне казалось, под крутым углом, именно они вызывали у меня всегда сильный страх. Страх, демонстрирующий мне, что я ничего не могу контролировать, находясь в алюминиевом скафандре вместе с другими пассажирами.

Время приближалось к десяти часам вечера, за стеклом иллюминатора была пасмурная сырая погода – шел то ли снег, то ли дождь. Такая погода больше характерна для осени, но точно не для зимы, которая наступила пятнадцать дней назад. Мне помнится, что в то время в столице хорошая погода меня всегда посещала в моменты, когда я садился в самолет и поднимался над облаками, хотя если быть точнее, то я посещал эту погоду, как путешественник, который уставал от слякоти и грязи. В ночи, словно маленький ребенок, я всегда разглядывал небо, начиная изучать его с более ярких звезд, а позже наблюдая и менее яркие, которые зачастую я даже не замечал, находясь на земле, но в ночном небе, пролетая уже над облаками, они сверкали мне на фоне темного неба с Луной. «Так интересно...» – подумал я, «...а ведь часть из этих звезд уже давно погасли, только свет остался, который доходит до нас спустя долгие годы и преодолевая расстояние миллионы километров. Как человек, который умирает, но его помнят и воспоминания о нем тоже освещают путь для многих в череде событий, где огромное количество других ярких и еще живых звезд». Эта мысль сводила меня с ума, вызывало какое-то странное чувство небытия, будто я в такие моменты попадал во что-то мною неизведанное, но существующее за гранью моей реальности. Об этом ещё говорят, что человек будто бы попал в параллельную реальность, где вся декорация остается та же, а вот чувства меняются и становятся крайне непривычными для человеческого ума, но они привычны для его сознания. Особенно, если это сознание длительное время находилось в постоянной нехватке энергии и без человеческой воли. В таком состоянии человек испытывает страх, который усиливает его мнение о себе и это мнение редко совпадает с его желанием творить и проявляться в этом мире, оно ближе к саморазрушению и самобичеванию. К сожалению, не каждый человек сразу в силах увидеть, что находится в подобном состоянии, потому что длительное время отрицает себя из-за ожиданий, которые он вырисовывал в своей голове. Редко люди принимают реальность такой какая она есть, но если говорить и разбираться в этом глубже – человек редко принимает себя в этой реальности, которая всего лишь является отражением его состояния сознания. И чем больше неприятие, тем сильнее реальность будет давить на него и вынуждать его вернуть внимание в себя и осознать причину в себе, ведь следуя из физики – сила действия равна силе противодействия. Однажды реальность все-таки «выиграет в схватке» с человеком, где он во главе угла будет долгое время ставить собственное равнодушие по отношению к себе, ведь реальность – это не только отражение внутреннего сознания человека, но и одна из сторон, которая чуть больше, чем сам человек, заинтересована в выживании и проявлении его в этом мире, несмотря на то, что эта реальность кажется нам зачастую очень суровой. Суровой, но милосердной.

В тот пасмурный вечер все было как обычно – я сквозь иллюминатор провожал взглядом аэропорт Шереметьево и ждал встречи с ночным звездным небом, засекая время на телефоне. Наручные часы в то время я не носил, вместо них на правой руке был браслет, который напо-

минал мне о Таиланде. Браслет был похож на нить, которую мне повязывали монахи в монастыре на острове Самуи три года назад.

Я отчетливо помню ту поездку, именно после возвращения из Таиланда я начал просыпаться от мыслительного сна и писать свои первые статьи, которые и стали началом на пути моего пробуждения. Тогда, находясь в Паттайе, я и представить себе не мог, что же меня ждет в ближайшие несколько лет и кого я встречу на своем пути. В то время я даже не догадывался, что одна из тех будущих встреч будет настолько неожиданной и долгожданной, что, знай, я об этом раньше, точно бы приблизил этот момент. Но чтобы это сделать, важно было просто привести свой ум и тело в порядок, проникнуться состоянием внутренней тишины и свободы, вернуть себе волю и силу духа. Что было невозможным в то время с учетом полной противоположности моего состояния и моих действий, в те годы отчаяния и неоправданных надежд. Как-то в то время я редко задумывался над содержанием своих мыслей, что были в моей голове, а тем более не задумывался над содержанием слов, которые я произносил так часто вслух. Эти слова вызвали постоянное сопротивление у моего окружения, хотя я думал, что они всё это время сопротивлялись именно мне. Не говоря уже о том, что мои действия в те годы были больше похожи на попытки расположить к себе людей и заслужить их любовь, нежели, если бы они были просто направлены на реализацию собственного потенциала, с которым я пришел в этот мир. Для меня любовь, как чувство вообще не существовало долгое время, я знал, что есть такое слово, которым можно было признаться человеку в своих чувствах, но я понятия не имел в любви ли я ему признаюсь. Со временем, я начал замечать, что многие из нас произносят фразу «Я тебя люблю» не в состоянии любви, а из чувства вины, долга или обиды, а иногда из чувства страха с ожиданием, что в ответ нам тоже признаются в любви.

На протяжении уже нескольких лет, у меня в голове стабильно крутился диалог с самим собой. Однажды я себя поймал на чувстве, что внутри меня две личности, и что странно – меня это даже не беспокоило. Словно один – желает легкости, жаждет действий, знает о вечном счастье, любви и радости, другой – все усложняет и пытается объяснить, что ничего не бывает легко, что важно пройти трудности и все круги ада, чтобы стать счастливым. Самое интересное было то, что я знал, кто снова победит в этом противостоянии между ними. И именно поэтому уже ничего не предпринимал – моя воля мне уже не принадлежала. В тот момент куда-то пропали моя улыбка и тот искренний, как у ребенка взгляд. Мне казалось, что я так и проживу всю свою жизнь – в вечной борьбе за место под солнцем, когда у других будет получаться всё так легко, что они не будут нас даже замечать. Тех нас – «других», которые продолжают всё так же, как и раньше карабкаться на просторах своих болот, с тяжестью в душе и пульсом в висках. Ежедневно вставая и шагая на работу, которая стала давно рутиной для каждого из нас, мы даже пытались построить свой бизнес, который так и не сделал нас успешными, как обещали на тот момент те, кто бизнесу учил. Помнится, как я с оглядкой смотрел на тех, у кого получалось жить в легкости и согласии с собой. Мне все время казалось, что они вообще с другой планеты и живут в другой реальности.

В те годы меня особенно посещало одно чувство, которое почему-то я игнорировал длительный период, знаете это чувство на подкорке твоего сознания всегда просыпается в те моменты, когда ты готов уже опустить руки, отказаться от задуманного и бросить все начатое, но оно выстреливает тебе прямо в сердце, прям как первая любовь. И это чувство – чувство веры. Вера, которая позволяет тебе осознать в себе силы, которые включают всё твоё мужество, мужество и смелость, именно благодаря вере ты вспоминаешь, что уже жил так одно время, но почему-то забыл об этом, а сейчас вспомнил и наполнил себя воспоминаниями и укрепил ими свой дух.

Тогда я не осознавал, что был чертовски прав обдумывая эту мысль летя в самолете, но воли, чтобы в это поверить и осознать, не было ни у меня, ни у моего окружения. Со временем я уже понимал, что часть моих знакомых – это всего лишь собутыльники, с которыми

можно было просто выпить в баре в субботний вечер и поговорить снова о великих планах на балконе моей съемной холостяцкой квартиры. После бара я всегда возвращался под утро домой, чтобы отоспаться и с нежеланием снова понять, что все вернулось на свои места и вновь не почувствовать утреннего перехода из одного сна в другой, который нас обеспечивал той реальностью, где мы могли в очередной раз бездействовать.

Ничего не менялось, я был в состоянии полной апатии и ни в чем не хотел разбираться, а тем более знать и принимать собственные желания, которые привели меня во все эти чувства. С каждым разом, как я только начинал лезть во все эти дебри, во мне просыпалось чувство несправедливости. Чувство, которое возникло во мне еще в детстве в возрасте семи лет, правда я не знал что с этим чувством делать, словно ребенок застрявший в семилетнем возрасте я мирился с ним и глушил его все последующие годы в себе. При этом, каждое мгновение, в котором я чувствовал какую-то несправедливость во внешнем мире, где-то в глубине моей души я все равно знал, что у меня все будет хорошо. Это то, что я изредка чувствовал – будто бы в определенном моем состоянии мне об этом кто-то напоминал.

И вместо того, чтобы усиливать это чувство и довериться ему, я возрождая его, не заболел о нем, а снова бежал во внешний мир, чтобы всем рассказать и показать – «Смотрите, теперь у меня тоже все хорошо», как и у тех, о ком я постоянно думал, делая себя еще более слабым. В то время я не осознавал, что таким поведением и собственным проявлением, я вновь слетал вниз на самое дно, сливая энергию и из последних сил снова хватаясь за жизнь словами и криками в сторону тех, кто в меня длительное время не верил. Все эти мысли на тот момент давно уже стали частью меня и даже несмотря на то, что я летел отдыхать в славный город Франции, я постоянно их прокручивал в своей голове. В тот момент, когда я снова ими увлекся, командир воздушного судна объявил далеко не веселым голосом, что время в пути составит четыре часа пять минут и что расчетное время прибытия в столицу Франции в ноль часов двадцать минут по местному времени. В конце добавил, что совсем скоро нам предложат напитки и легкую закуску.

Я обернулся назад, чтобы посмотреть спит ли она и увидел, что самолет полон спящих людей. В тот момент я поймал себя на чувстве всеобщей усталости – будто бы каждый, кто сидел в самолете с приоткрытым ртом и закрытыми глазами, весь год ждали выходных и предвкушали Новый год, который наступит буквально через пару недель. Спать мне вовсе не хотелось, я ждал момента, когда самолет наберет высоту и можно будет отстегнуть ремни безопасности, чтобы пройтись по салону пока не включили свет. Я всегда находил иллюминатор, рядом с которым никого не было, чтобы поглядеть на крошечные звезды вдали, которые становились будто бы ближе, наблюдая их с высоты десяти тысяч метров и Луну, которая освещала небо своим ярким светом. Он всегда был очень мягким и одновременно каким-то чистым.

Я продолжил вдумчиво смотреть на переднее кресло справа, которое отражало мелькающий красным цветом огонек за бортом. Он всегда мелькал на правом крыле самолета красным цветом, а на левом крыле зеленым, вызывая на душе какое-то спокойствие и тишину в моем уме. В таком состоянии я находился очень редко, вместо этого я всегда отвлекался на посторонний шум или собственные мысли. Поймав состояние легкости, я услышал за спиной знакомый мне голос – он был очень милым, хотя спросонья немного хриловатым:

– Мог бы ты передать мне свою толстовку, я замерзла – произнесла она, укутавшись с головой пледом;

– Да, сейчас. Только достану ее из рюкзака – ответил я и принялся доставать рюкзак из под переднего сиденья.

Передавая ей толстовку на сиденье, что было у меня за спиной, раздался привычный мне звук, который означал, что мы набрали высоту и ремни можно отстегнуть. За этим звуком последовали щелчки ремней безопасности по всему салону самолета, которые мне всегда почему-то напоминали срабатывающие мышеловки. Словно их больше сотни поместили заря-

женными в одну комнату, и цепная реакция сделала свое дело. Спустя мгновение, на борту включили основное освещение. «Вот черт! Не успел полюбоваться звездным небом» – подумал я, и, разбудив француженку по левую от меня руку, я поднялся вытянувшись во весь рост, и, развернувшись вполоборота пошел в хвостовую часть в сторону туалета.

В тот момент я не хотел вспоминать весь путь, как мы добирались до аэропорта и вообще, как я планировал всю эту поездку, но эти мысли мне не давали покоя. Бывает, что все идет как по маслу – все случается будто бы само по себе, но не в этот раз. В это путешествие палок в колеса было вставлено столько, сколько я не встречал за все двадцать семь лет своей жизни. Мне в тот момент вообще казалось, что на моем пути постоянно кто-то стоит и мешает мне жить мою же жизнь. Будто тень какая-то падала всегда на все мои желания, где я хотел легкости, и думал, что вот-вот случится то, чего я так долго ждал, о чем мечтал и длительное время представлял себе, но все в очередной раз срывалось – это было уже привычным для меня результатом. На пути в туалет, самолет резко начало трясти и командир воздушного судна объявил, что мы находимся в зоне турбулентности и всем необходимо занять свои места.

«Не хватало еще этого» – подумал я, и неохотно пошел обратно к своему месту. В этой фразе чувствовалось мое недовольство – и оно было не по причине того, что я не дошел до туалета и даже не по причине, что я не увидел звездного неба, недовольство лишь отражало очередной мой страх – я всегда боялся летать на самолете. Этот страх всегда проявлялся отчетливо именно в моменты прохождения зоны турбулентности.

Время от времени я ловил себя в каком-то определенном страхе. Иногда у меня складывалось такое впечатление, что я специально ищу новый страх, чтобы еще раз раз почувствовать жизнь через какие-то другие чувства, что возникали у меня в следствии страха. Обычно этими чувствами были в то время – раздражение, сопротивление и потерянности. Потерянность – было особым чувством, попадая в которое, я не знал как себя вести и что мне делать дальше, в связи с тем, что не мог себя контролировать в такие моменты. Со стороны выглядело это достаточно странно. Парень, которому двадцать семь лет, боится летать на самолете и, вместо страха, он пытается проявиться совсем иными чувствами, которые хоть как-то сглаживали его истинное проявление. За пределами любого моего страха, находилось нечто большее и очень глубокое, что мне не в силах было принять и познать. В попытках доказать обратное, я делал вид будто бы ничего не происходило, тем самым показывая всем, что в таком состоянии я остаюсь эффективным и самое нелепое было то, что мне удавалось многих в этом убедить. В момент, когда я снова услышал в салоне самолета щелчки ремней безопасности, я не осознавал, что все глубже и глубже погружаюсь в сон, о котором, мы люди, зачастую даже и не знаем. Я тогда тоже не знал или не хотел знать, что тоже сплю. И что весь самолет на пути из Москвы в Париж был самым ярким отражением моего состояния – командир воздушного судна со своим далеко не веселым голосом, уставшие спящие пассажиры в самолете, ждущие нового года, как новую точку отсчета и зона турбулентности со своими нестандартными покачиваниями и трясками. Я не знал и не понимал, что со мной творилось, постоянно задавая себе один и тот же вопрос: «Почему у меня не может быть всё как у людей?». Тогда я не мог знать ответы на многие вопросы, хотя очень много думал о том, что знал.

В самолете была и она – очень спокойная и знающая меня больше, чем я себя сам. Мы с ней познакомились недавно, это произошло в одном из офисов крупной компании, где она работала продюсером, а я заезжал в этот офис по своим делам. Она мне всегда говорила, что для того чтобы узнать человека, не нужно жить с ним всю свою жизнь, для этого достаточно просто его почувствовать. Например, в моменты, когда он рядом с тобой дышит, целует тебя или шутит, в моменты, когда берет тебя за руку, смеется или обнимает. Она меня очень хорошо чувствовала, чего нельзя было сказать обо мне. Я видел, как она переворачивается на другой бок, а сам в тот момент беспокойно ждал мгновения, когда мы пройдем зону турбулентности и мне удастся с облегчением вдохнуть воздуха и сделать вид, что никакого страха за это время

я не испытал. Самое интересное, что я очень часто так поступал и в жизни, чувствуя страх я выдавливал из себя совершенно другое чувство. Не осознавая, что проявляя другое чувство, я играю и другую роль, а значит, перестаю быть самим собой. В подобных играх я терял нить с действительной реальностью и становился тяжелым, молчаливым и резким – всегда сложнее любить того человека, который в любви нуждается больше всего и эта фраза из фильма «Мирный воин» точно была про меня. Я действительно нуждался в любви, которую я в себе зарыл так глубоко, что не в силах был прочувствовать ее в себе сквозь всю боль, которую сам себе причинял и сквозь то раздражение, которое появлялось в следствии моей зависимости от чужой роли. И чем дольше я игнорировал себя, тем дольше и сильнее я раздражался.

Вернувшись на седьмой ряд, я прыгнул на кресло между диалогом на французском языке и туго затянул ремень безопасности. В тот момент я почувствовал, что проголодался и с пресловутой мне радостью, начал ждать, когда снова погаснет табло пристегнуть ремни и начнут выносить напитки с легкими закусками. До Парижа оставалось лететь два с половиной часа.

На высоте одиннадцать тысяч метров, я всегда ловил себя на мысли, что где-то под ногами миллионы жителей этой планеты идут в данный момент на работу или вернулись к себе домой и отдыхают после нее. Мне всегда почему-то казалось, что мало кто из людей путешествует и причины могут быть разными – кто-то как и я боится летать, кто-то не скопил нужное количество денег для путешествия, а у кого-то в его родном городе нет аэропорта. В моем городе тоже его не было, нет и сегодня. Вспоминая себя маленьким мальчишкой, я любил наблюдать за самолетами с земли и представлять, как кто-то летит на отдых или важную встречу. Сейчас, когда я лечу в очередное путешествие или на переговоры, то сам задумываюсь, есть ли такой же мальчишка где-то там внизу, который также смотрит на самолет и думает о том, о чем думал и я, будучи малым. Уверен, что есть. И он совсем скоро тоже повзрослеет. Главное, чтобы он не забыл себя и о тех чувствах, которыми он проявлялся не так давно при рождении, иначе путь возвращения к себе обещает быть непростым и долгим, подумал я и почувствовал теплое прикосновение рук на своих плечах. Это прикосновение означало, что она проснулась, и я был этому очень рад. Потому что знал, что мысль, которую я обдумывал перед ее прикосновением «иначе путь возвращения к себе обещает быть непростым и долгим» было лишь одно – главное, чтобы он не стал таким же, как и я. И как те, кто о себе забыл. «У каждого есть время вспомнить о себе», – подумал я и через мгновение услышал знакомую мне фразу в диалоге двух мужчин: «Мир не идеален, ты посмотри в какой стране ты живешь».

ГЛАВА 3

«Такси подъехало, нам пора выходить» – сказал я Тому, который длительное время сомневался, поехать меня провожать или остаться в квартире, чтобы успеть подготовиться к своей важной встрече. В тот день я возвращался обратно в Москву, на календаре было восьмое сентября, шел две тысячи десятый год. За окном, сидя на заднем сиденье старенького линкольна, я мог наблюдать, как опадает листва и навстречу проезжающие машины поднимают ее вновь своим шлейфом, который они оставляют на дорогах Нью-Йорка. Мы выехали из Бруклина в сторону аэропорта JFK, и в тот момент я обнаружил, что забыл документы в квартире, в которой прожил три летних месяца и куда я точно захочу вернуться уже спустя полгода после возвращения домой. Водитель за рулем на английском говорил примерно так же, как и я, а значит, объяснить ему было намного проще, чем любому другому англоговорящему водителю. Спустя пару минут, он развернул свой автомобиль и, прибавив скорость, словно мы пошли на взлет, начал рассказывать по телефону своей возлюбленной об очередном странном пассажире из России. Я твердо понимал, что Нью-Йорк меня не отпускает, да я и сам не особо хотел уезжать, но в России меня ждали на одну встречу, о которой мы договорились еще до моего отъезда в США. По дороге обратно в сторону квартиры, которая находилась в доме на пересечении Avenue C и 8 East Street в Бруклине, рядом со станцией метро Cortelyou Road, я почему-то думал не о том, что могу опоздать на свой самолет и даже не о том, что дома ли мои документы. В тот момент я вспоминал, как оказался здесь по счастливой случайности, это касалось и самой страны, и, конечно же, штата Нью-Йорк, в котором я задержался. Задержался я в нем сначала на пару дней, потом на неделю, а спустя неделю решил и вовсе остаться на все лето. Изначально по планам я должен был по прилете сразу же поехать в Бостон, но из-за отсутствия билетов на единственной автобусной станции, о которой я знал на тот момент, мне пришлось задержаться и искать ночлег в городе по прозвищу Большое Яблоко – The Big Apple.

В первые минуты, когда я вышел на автобусной станции, меня посещали противоречивые чувства. Вокруг меня были одни небоскребы, люди куда-то неслись через дорогу, по которым проезжали желтые такси и белые воротнички на роликах или самокатах. Всюду ходили торговцы с какими-то сумками, в их глазах была странная безысходность и что сильнее всего отражалось – это страх. Я видел, как через дорогу полицейский гнался за парнем с пледом, в котором были завернуты сумки и понимал, почему тот торговец, что был рядом со мной, вызывал во мне такие неоднозначные чувства. Вдоль одной из католических церквей с великолепной архитектурой, на картонных коробках сидели уличные жители Манхэттена, они улыбались прохожим, и в один момент мне даже показалось, что они единственные счастливые люди в этом большом городе. Будто бы весь город бегал вокруг них, а они лишь наблюдали и ждали момента, когда же вся эта суматоха и беготня стихнет на улицах Нью-Йорка, чтобы отдохнуть и снова насладиться утренней тишиной мегаполиса.

Пройдя несколько кварталов, я дошел до всеми известной сорок второй улицы, которую пересекал не менее известный Бродвей. Это было одно из самых незабываемых моих знакомств с самим собой – буря чувств, которые во мне проявились в тот момент, доставили мне удовольствия не только на одно мгновение, как это было раньше, но и запомнились на всю мою жизнь. Высокие экраны, которые транслировали рекламу Coca-Cola, магазин Forever21 и других известных брендов, светили настолько ярко, что в ночи они точно освещали все ближайшие улицы своим разноцветным светом. В тот момент мне еще больше захотелось задержаться в этом городе, чтобы пройтись по центральному парку, увидеть воочию «Сундучок Дункана» и «Отель Плаза» из фильма «Один Дома. Затерянный в Нью-Йорке», проехаться на желтом такси по Бруклин Бридж и на популярной рикше в магазины на пятой авеню. Чув-

ство, что я стал сам героем своего фильма – не покидало меня с момента, когда я увидел Time Square. В моей голове играла мелодия «Джингл Белс», под которую мое воображение рисовало танцующих Санта Клаусов, хотя шел всего лишь июнь месяц, и на улице было около тридцати градусов жары. Я подобрал чемодан ближе к ногам, потому что народу становилось всё больше и больше рядом со мной, но чувства, что я кому-то мешаю или кто-то мешает мне, я не испытывал. Наоборот, чувство, что меня тут ждали – не покидало меня с момента, как я только покинул автобусную станцию на восьмой авеню. В небе кружили самолеты, которые оставляли в воздухе за собой шлейф из выхлопного дыма. Он очень четко прорисовывал надпись рекламных кампаний, обычно это были сайты каких-либо страховых компаний. Конная полиция фотографировалась с прохожими туристами и улыбалась каждому, кто ловил их взгляд. Спустя пару часов, когда я уже сидел в центре рядом с красной лестницей на Time Square, ко мне пришло чувство голода одновременно с чувством радости и спокойствия, которое и было осознанием того, что я на своем месте. В тот момент я был самым собой – голодный ко всему новому, с непоколебимой верой и жгучим рвением познать свои возможности в этой огромной стране капитализма, на другом континенте нашей планеты. Ведь там я оказался – будучи совсем юным, двадцатилетним пареньком, который приехал не покорять ее, а знакомиться с самим собой. До Нью-Йорка в моей жизни были всего два больших города, когда сам я из маленького провинциального городка, который находится на юге одной из республик нашей огромной страны.

Ближе к десяти часам вечера, я нашел интернет-кафе, в котором стояли компьютеры и, купив доступ в интернет по цене одного кофе, что составляло всего один доллар, я зашел в социальную сеть. Благо, что находясь еще в аэропорту JFK после приземления, у себя на странице я оставил надпись, которая в большей степени и определила мое нахождение на протяжении всех трёх месяцев. Надпись была следующего содержания: «Я в Нью-Йорке, все хорошо», я ее писал для своих родителей, которые тоже незадолго до моего отлета из России, попросили меня зарегистрировать им аккаунты в социальной сети. Эту надпись увидел мой друг Том – русскоязычный американец, с которым мы познакомились на празднике моей близкой подруги в честь её двадцатилетия, буквально за полтора месяца до моего прилета в США он прилетал в Россию, чтобы её поздравить. Том оказался очень гостеприимным парнем. Если бы не совпал его переезд в Нью-Йорк с моим приездом, то мы могли бы с ним и не встретиться. В тот день, восьмого июня, он как раз занимался подключением мобильного телефона, и, увидев надпись на моей странице оставил сообщение с номером телефона штата Нью-Йорк, чтобы я ему позвонил, если увижу его входящее письмо.

В интернет кафе я встретил двух русскоговорящих женщин, они очень эмоционально обсуждали новое налогообложение в штате Нью Джерси. В тот момент я поймал себя на мысли, что нахожусь будто бы в одном из регионов нашей страны. Казалось, я нахожусь в центре Манхэттена на расстоянии семь с половиной тысяч километров от Москвы, хочу попить кофе и слышу разговор на темы, которые в последнее время очень часто мелькали рядом со мной. Отбросив все посторонние, как мне казалось на тот момент мысли, я подошел к одной из дам и вежливо попросил одолжить на пару минут телефон, чтобы сделать звонок своему другу Тому.

Я знал, что он ждет моего звонка, иначе для чего он мне оставил свой мобильный номер телефона во входящем письме буквально пару минут назад. Тогда я еще не понимал, что не вслушайся в разговор этих милых дам, я мог так и не связаться со своим другом. В тот момент время сыграло значительную роль. Эти несколько минут были очень важны, ведь зайдя я раньше минут на десять в свой ящик с письмами, его письма я мог и не дожидаться. Начав по привычке набирать номер телефона с плюс семь, я попросил владелицу телефона мне помочь разобраться с кнопками на телефоне и показать кнопку «delete». Спустя уже пару секунд я набирал номер +1 347-666-9026.

– Алло, алло... Это Том?

– Да, да... Это Том. Ты прилетел? Где ты? – спросил он меня с присущей его радостью, которую он проявлял не только к людям, но и к самому себе.

– Где я? – убрав телефон немного в сторону, спросил я одну из дам.

– Это сорок вторая улица и восьмая авеню, кажется – неуверенно произнесла одна из них вслух.

– Том, я... – Не успел я договорить, как Том тут же произнес мне в трубку.

– Я слышал, жди меня там, я в двадцати минутах ходьбы от тебя, скоро буду! – произнесся с уверенностью, он повесил трубку.

Поблагодарив каждую из дам и вернув им телефон, я дошел до компьютера, вышел из социальной сети, взял в руку чемодан, перекинув рюкзак через плечо – побрел в сторону выхода, чтобы встретиться с Томом. Я очень сильно хотел есть, к тому же мне хотелось еще и в душ – зря я надел на себя рубашку, надо было что-то из футболок с собой взять, – подумал я и остановился, чтобы не пропустить встречу, от которой зависел в тот вечер мой ночлег.

Не останавливая своего взгляда на проносившиеся мимо автомобили, я думал в тот момент о том, какой же я счастливый человек – исполнилась моя мечта. Это моя первая мечта, которую я смог воплотить в свою жизнь и всё произошло настолько спонтанно, что я представить себе не мог. Четыре месяца назад я еще был в России, и мы с отцом ехали в гости к сестренке. Отец тогда купил машину, в которой еще чувствовался запах нового авто и меня, как любого другого парня, посещали мысли о том, чтобы тоже обзавестись каким-нибудь подержанным вариантом. Тот год для меня начался с хороших результатов по заработной плате, и я даже скопил свои первые сто тысяч рублей, которые лежали у меня на полке в маленьком шкафчике, что стоял рядом с моей кроватью.

На светофоре, когда мы доехали до перекрестка, я делился своими впечатлениями с отцом об удобстве – будучи пассажиром и вскользь рассказал о своей идее прикупить подержанное авто. Спустя мгновение, я случайно на столбе увидел объявление «Работай и путешествуй в Америке» и будто бы кто-то сказал за меня:

– Или в Америку поехать? – сам удивляясь заданному вопросу, я ждал, что скажет мне отец.

– Если есть возможность – езжай, когда еще будет такой шанс – ответил он уверенно и с максимальной поддержкой.

Спустя сутки я уже подавал документы.

За спиной раздался знакомый голос, это был Том и я ему был несказанно рад. Мы оба, как оказалось, хотели не только съесть что-нибудь вкусного, но и поделиться своими впечатлениями, которые подарил нам Нью-Йорк в первые часы нахождения у него в гостях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.